

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию Яровенко Дарьи Сергеевны
«Т.Л. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК – ПЕРЕВОДЧИК ФРАНЦУЗСКОЙ
ДРАМАТУРГИИ (ТЕАТР РОСТАНА)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических
наук
по специальностям 10.01.01. – русская литература и
10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литературы)

Представленная к защите работа Дарьи Сергеевны Яровенко «Т.Л. Щепкина-Куперник – переводчик французской драматургии (Театр Ростана)» посвящена анализу ранней переводческой деятельности Т.Л. Щепкиной-Куперник на примере неоромантических пьес Э. Ростана, знаковой фигуры начала XX века, члена французской Академии.

О международных связях русской литературы стараниями академика М.П. Алексеева написано уже много: в 2013 г. вышел десятый сборник «Из истории международных связей русской литературы», посвящённый 1930-м гг. Много написано и о проблемах художественного перевода на русский язык: от 13 сборников «Мастерство перевода» до «История русской переводной художественной литературы». Начатая Ю. Д. Левиным, она была ограничена XVIII веком в силу необозримости материала, как заявили авторы проекта. Этот огромный труд когда-нибудь будет завершён, поэтому представленная сегодня работа Д.С. Яровенко должна хотя бы отчасти дополнить эту далеко незавершённую картину.

Работа выполнена в традиционном компаративистском ключе, рассматривающем перевод как одну из наиболее эффективных форм межлитературных взаимодействий. Д.С. Яровенко проведён достаточно глубокий анализ переводов Т.Л. Щепкиной-Куперник четырех пьес Э. Ростана с точки

зрения выработки ею основных переводческих стратегий на историческом фоне формирования различных концепций перевода в России, а также определения роли переводчицы в оформлении неоромантической эстетики особого типа в русской культуре конца XIX – начала XX вв.

В мире «глобальной интертекстуальности», как пишет Н. С. Автономова в своей книге «Познание и перевод. Опыты философии языка» (2008), разговор о межкультурных и межлитературных связях приобретает сегодня особую важность в общем диалоге культур. В частности, это касается имеющих очень давнюю традицию культурных связей России и Франции. Казалось бы, что многое, особенно теперь, когда ушли прежние идеологические табу, не только прочитано, но и довольно подробно исследовано и продолжает исследоваться (упомянем, например, сборники «Россия и Франция: XVIII-XX века, выходящие под редакцией Петра Черкасова, возрождение французского института в Санкт-Петербурге, открытие Центра русско-французских исследований в Москве, культурных центров Альянс франсез в России, Французского университетского колледжа при МГУ и т.д.), но, тем не менее, многое ещё предстоит не только прочитать, но и проанализировать. К таким темам относится, без сомнения, история переводов на русский язык французской литературы, а на французский язык – литературы русской. И первые шаги к систематизации и осмыслению этой богатой истории сделаны: во Франции, в издательстве Вердые (Verdier) вышел объёмный, почти 90 печатных листов, 3-ий том «Histoire des traductions en langue française. XIXe siècle (1815-1914).» – Paris: Verdier, 2012. – 1376 p. Слово за российской наукой. Поэтому актуальность темы представленного Дарьей Сергеевной Яровенко диссертационного исследования, в котором предпринята довольно успешная попытка не только исследовать жизнь «театра Ростана» на российской почве, но и провести компаративное исследование переводов его пьес и имплементации идей неоромантизма на русской почве, вполне очевидна. Отметим также, что такой сравнительный анализ проводится впервые, впервые же Т.Л. Щепкина-Куперник предстаёт перед нами как переводчик, а не как «Татьяна Кувырком» из этически сомнительной статьи Д. Рейфильда.

Диссертант, хотя и излишне подробно, переходя порой на пересказ, говорит в своём исследовании об истории перевода в России. Хотя, если говорить об этом, то необходимо также упомянуть, в первую очередь, перевод текстов священного писания, житийных и святоотеческих текстов, поскольку история перевода на русский язык началась именно с них, и с них же, как известно, идёт традиция пословного, буквального перевода, которой придерживались символисты, современники и собеседники Т.Л. Щепкиной-Куперник. Риторический вопрос В.А. Жуковского «Невыразимое, ненаречённое – какой для них язык?» и знаменитое «Мысль изречённая есть ложь» Ф.И. Тютчева воплотились у символистов и в тезис о непереводемости, о неосуществимости адекватного перевода. Диссертант вполне убедительно доказывает, что стереотипное «Traduttore, traditore» (Переводчик, предатель) или же знаменитая фраза из «Персидских писем» Ш. де Монтескье о переводчике: «Vous parlez pour les autres et ils pensent pour vous?» (Вы говорите за других, а они думают за Вас?) неприменимы к Щепкиной-Куперник, которая выступает именно в роли переводчика не только с языка на язык, но и с культуры на культуру, а её вольный перевод не превращает её в некоего «Шельмонта», как К.И. Чуковский иронически называл К. Бальмонта за его переводы П.-Б. Шелли.

Эта часть работы диссертанта создаёт необходимый литературно-исторический контекст, фон, почву, на которой Д.С. Яровенко строит свои дальнейшие выводы. Конечно, не следует требовать от диссертационного исследования быть энциклопедическим справочником, но при всей объёмности экскурса в историю перевода, предпринятого диссертантом, он излишне подробен, однако в нём, особенно в компаративном плане, следовало бы упомянуть Поля Рикёра и его известную лекцию «Парадигма перевода», а также хотя бы упомянуть имя Г.Г. Шпета и его участие в переводах Шекспира, тем более что часть этих материалов издана.

На наш взгляд, следовало бы усилить творческие мотивы биографии Щепкиной-Куперник, её взаимосвязь с современниками, необходимо было бы

упомянуть и З.А. Венгеру для общего фона, тем более что она публиковалась и во Франции, писала и о французских символистах.

Перевод драматических произведений, принадлежащих к двум семиотическим системам – литературе и театру, требует и двойного эстетического кода: собственно литературного и театрального, поскольку текст драматического произведения предназначен для звучания со сцены, интенционально направлен на театрализацию. Переводчик драмы должен учитывать это и расширять собственно «филологический подход» к переводу, воспринимая, как принято говорить, текст пьесы как партитуру.

По словам М. Бахтина, говорившего об «интонационно-ценностном контексте» каждого художественного произведения, в котором оно понимается и оценивается, а контекст этот «меняется по эпохам восприятия, что создает новое звучание произведения», каждый последующий перевод, являясь порождением своего времени, вносит что-то новое в трактовку оригинального художественного произведения. Важно, что Д.С. Яровенко не только обозначает разницу между существующими в России, сделанными после Т.Л. Щепкиной-Куперник переводами центральной в творчестве Э. Ростана пьесы «Сирано де Бержерак», но и даёт сравнительный анализ смысловой доминанты этой пьесы – «Гимна гасконцев».

Но главной удачей исследования является сопоставительный анализ переводов Т. Щепкиной-Куперник и подстрочного перевода пьес Э. Ростана, выполненного самой Д.С. Яровенко. Именно он показывает нам формирование переводческой стратегии Т. Щепкиной-Куперник и неплохо иллюстрирует теоретические выводы диссертанта. Эту часть могли бы дополнить примеры из черновиков переводов из архивов, тогда мы могли бы видеть, как формировались стратегии художественного выбора в творческой мастерской переводчика.

Отмечая достоинства представленной работы, выстроим шкалу не столько претензий, сколько вопросов, поскольку диалог самый верный способ разрешения споров. От простого к сложному, от неточностей перевода, стилистических

шероховатостей к фактическим неточностям, недостаточности фоновых сведений и кросскультурных сравнений к аргументированности концепции.

Укажем на стилистическую невыдержанность, на не всегда ровный научный стиль, когда в письменную научную речь вторгаются элементы устной речи, когда цели работы формулируются в виде вопросов и на слово-фаворит «данный», заменившее диссертанту все другие указательные и притяжательные местоимения русского языка. Отметим также присутствие клише и излишнюю эмоциональность стиля исследования, впрочем, объяснимую естественной симпатией к объекту работы.

Отметим одну фактическую ошибку, огорчившую нас: «Септуагинта», по мнению диссертанта, написана, в основном, на древнееврейском языке.

Хотелось бы, чтобы в своих дальнейших (а они, не сомневаемся, будут) исследованиях Д.С. Яровенко избежала бы неточностей и прямых ошибок перевода, которые мы с сожалением отмечаем в её работе. Некоторые неточности можно отнести на счёт стремления сделать наиболее приближённый к оригиналу, иногда пословный перевод, однако мы вынуждены отметить и труднообъяснимые ошибки, недопустимые для автора, выполнившего исследование особенностей перевода с французского языка на русский:

- l'écuyer переведено как «молодой дворянин», в то время как это особая должность, стольничий, разрезающий мясо за столом сюзерена;
- le grand rotisseur это не «великий торговец», а «повар, специализирующийся на жарком – le roti»;
- в шкале значений слова «l'ombre» «темнота» лишь на четвёртом месте, а в поэтическом лексиконе это всё же «тень» или «сень»: вспомним знаменитый роман М. Пруста «À l'ombre des jeunes filles en fleurs»;
- неверный перевод выделительной конструкции Mise en relief «C'est moi qui pars» – «Это я, который ухожу»;
- неверный перевод синтаксического каузатива «faire + inf.» – faire fuir l'oiseau de proie как «позволяет убежать» вместо «пугает», к тому же «l'oiseau de proie» это

не «птица-жертва», а «хищная птица», как правильно перевела Т. Щепкина-Куперник;

- неверный перевод глагола «*oublier*» (забывать) который диссертант недопустимо для работы подобного уровня путает с глаголом «*obliger*» в конструкции «*être obligé*» (быть обязанным).

К сожалению, в работе нет комментариев о разнице при переводе системы прошедших времён французского языка: так, Т. Щепкина-Куперник французский исторический перфект *Passé simple* переводит как простое прошедшее, что верно, но всё же требует небольшого комментария, хотя бы сноски. Ведь во время Э. Ростана перфект *Passé composé* почти не употреблялся в письменной речи как просторечный, в то время как сейчас он более частотен, а *Passé simple*, наоборот, маргинализируется.

Об особой важности для русской культуры литературных и культурных взаимодействий России и Франции сказано недостаточно, хотя уже хрестоматийными стали высказывания об этом взаимовлиянии. Литературы об этом очень много, от не потерявшей своего значения серии из трёх томов Литературного наследства «Русская культура и Франция», вышедших в 1937 г. под редакцией С. А. Макашина, до проводящихся коллоквиумов (отметим из числа последних *Histoire et philosophie de la traduction en France et en Russie au XXe siècle* (2011) и *L'histoire des relations entre la France et la Russie dans le contexte européen des XIXème et XXème siècles* (2012)). Эти ссылки могли бы расширить историко-литературный фон работы.

Следует указать на отсутствие работ по компаративному лингвокультурному анализу, важность которых в исследованиях по сопоставлению литературных текстов и переводов необходима для научной полноты. Это, прежде всего, монография М.К. Голованивской. Говоря о разнице в языковой картине мира французов и русских, осложнявшей перевод пьес Э. Ростана, диссертант не указывает её содержательную и интересную книгу «Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концерты французов и русских» (М.: Языки славянских культур, 2009. — 374 с.), не хватает

и книги Е. Эткинда: Etkind E. Un art en crise: essai de poétique de la traduction poétique (Lausanne: L'Age d'Homme, 1982. - 298 p.), дополненного издания книги Владимировой А.И. «Франция на рубеже XIX и XX веков: литература, живопись, музыка, театр». СПб, 2004.

История перевода в исследовании Д.С. Яровенко представлена, на наш взгляд, излишне подробно, порой это просто пересказ, однако в этой части нет крайне важной статьи М.Л. Гаспарова «Брюсов и буквализм» и интересной, но спорной книги А. Азова «Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920-1960-е годы (М.: ВШЭ, 2013. – 304 с.) Укажем также, что дуэт Т.Л. Щепкина-Куперник – Э. Ростан не был первым дуэтом автора и переводчика в русской литературе. Решающее значения для зарождения «русского центра» (Вл. А. Луков) имело сотрудничество П. Мериме и И.С. Тургенева, а в наше время – Л. Лунгиной и А. Линдгрена, Е. Костюкович и У. Эко. Об этом следовало бы сказать.

Диссертант привлекает к своей работе электронные ресурсы, однако некоторое удивление вызывает отсутствие ссылки на сайт, посвящённый творчеству Э. Ростана, <http://www.edmond-rostand.com/essais.html> с подробной библиографией новейших исследований о его творчестве, а в диссертации Д.С. Яровенко присутствует только давняя монография Эмиля Рипера, на которую ссылаются все, кто изучает творчество драматурга. В этой монографии, кстати, нет указаний на переводы Э. Ростана на русский язык.

Т.Л. Щепкина-Куперник пессимистически оценивала будущее своего творчества. Вслед за Мариной Цветаевой она считала, что её «стихам настанет свой черёд» «много лет спустя – может быть, в 21-м, может быть, в 22-м веке – так, в 2125 году... какой-нибудь критик – вернее всего женщина... захочет воскресить несколько забытых теней и начнет заниматься моими уцелевшими сочинениями». Татьяна Львовна, к счастью, ошиблась, и ошиблась дважды: не в 2125, а в 2015 году, и не одна, а две наших современницы – профессор М.В. Михайлова и соискатель Д.С. Яровенко вернули в научный оборот Т.Л. Щепкину-Куперник – переводчика пьес Э. Ростана.

Достаточный объём привлечённого, в том числе и архивного материала, статьи из периодики тех лет, 2 неизданных письма Э. Ростана к Т.Л. Щепкиной-Куперник в авторском переводе диссертанта представляют несомненное достоинство исследования Дарьи Сергеевны.

Обоснованность научных положений и выводов диссертационного исследования Яровенко Дарьи Сергеевны «Т.Л. Щепкина-Куперник – переводчик французской драматургии (Театр Ростана)», а также достоверность и новизна представленной информации не вызывают сомнений.

Высказанные нами замечания не меняют общей положительной оценки работы. По содержанию и оформлению диссертация Яровенко Дарьи Сергеевны «Т.Л. Щепкина-Куперник – переводчик французской драматургии (Театр Ростана)» соответствует пп. 9, 10 Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для компаративных исследований в области русской литературы, а также и в области зарубежной литературы. Основные положения и результаты исследования прошли необходимую апробацию, автореферат и публикации отражают содержание работы, а ее автор, Дарья Сергеевна Яровенко, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальностям 10.01.01 – русская литература и 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (европейская и американская литературы).

кандидат филологических наук,
доцент-исследователь кафедры русского языка
Юридического института
Российского университета дружбы народов

«21» января 2015 г.

Яровенко

Овчаренко А.Ю.

Подпись Овчаренко А.Ю. удостоверенный секретарь

Кацарский М.И.

Сведения об официальном оппоненте:

Овчаренко Алексей Юрьевич

кандидат филологических наук, доцент,

доцент-исследователь кафедры русского языка Юридического института
ФГАОУ ВО «Российского университета дружбы народов»

119048, Москва, ул. 3-я Фрунзенская, д. 26, кв. 46

Телефон: +7 499 245 65 67; + 7 909 165 86 41

E-mail: ovtcharenko-1959@yandex.ru

Публикации:

1. Овчаренко А.Ю. Русский художественный текст в поликультурном образовательном пространстве // Иноязычное образование в современном мире. Сб. научных трудов М.: Правда-Пресс, 2012. С. 101-108.
2. Овчаренко А.Ю. Практическая лингвокультурная адаптация французских экспатов // Иноязычное образование в современном мире. Сб. научно-методических статей М.: ООО-Кодекс-М, 2013. С. 66-71.
3. Овчаренко А.Ю. «Сердце» И. Катаева и «зависть» Ю. Олеши: дух или тело // Антропология литературы: методологические аспекты проблемы: сб. науч. ст.: в 3 ч. / редкол. Т.Е. Автухович (отв. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2013. Ч. 2. С. 254–260.